

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.085-093
УДК 903.5+903.26

В.И. Гуляев

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: viguliaev@yandex.ru

Культ медведя и элитные курганы Скифии

Статья посвящена изучению образа медведя в культуре скифов, его значения для населения Северного Причерноморья и прилегающих территорий. Этот мотив в искусстве скифского населения региона к настоящему времени освещен достаточно слабо. Однако в историографии сложилось устойчивое мнение, что изображения бурого медведя (*Ursus arctos*) являются заимствованными из ананьинской культуры Прикамья. Материалом для исследования послужил погребальный инвентарь из элитарных захоронений VII–IV вв. до н.э. в Северном Причерноморье. В статье анализируются основные варианты изображений медведя в скифском искусстве, категории предметов, на которых они встречаются, определяются хронологические рамки бытования этого мотива. В результате исследования установлено, что на территории Скифии наиболее распространены два иконографических варианта: медведь в т.н. жертвенной позе (анфас) и пьющий (в профиль с наклоненной головой). Наиболее часто данный мотив встречается на ритуальных чашах с золотой обкладкой и украшениях конской сбруи. Хронологические и территориальные рамки распространения этих предметов опровергают мнение предыдущих исследователей о появлении образа медведя в скифском искусстве под влиянием лесных культур. В статье высказывается предположение о том, что он является исконным для культуры скифов и зарождается в VIII–VII вв. до н.э. вместе с другими образами звериного стиля. В связи с этим предполагается достаточно широкое распространение в среде скифской элиты особого поклонения медведю.

Ключевые слова: культ, медведь, курган, Скифия, образ, мотив, поклонение.

V.I. Gulyaev

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: viguliaev@yandex.ru

The Bear Cult and Kurgans of the Scythian Elite

This study, based on artifacts from high-ranking kurgans of the northern Black Sea region (700–300 BC), addresses the little-studied bear motif in Scythian culture and its relevance for the ancient inhabitants of this region and of the adjacent territories. It is a wide-held view that the image of the brown bear had been borrowed from the Ananyino culture of the Kama. Variation of this motif is described and its chronology is assessed. Two principal iconographic versions are known in Scythian art—the animal is shown either en face, in the so-called sacrificial posture, or drinking (in profile, with a bowed head). Such representations occur most often on gold-plated ritual bowls and ornaments of the horse harness. Both the chronology and the distribution range of these artifacts disagree with the idea that the bear motif was a loan from forest cultures. Rather, it appears to be inherently Scythian, having originated around 700 BC together with other images of the animal style. Apparently, some form of the bear cult was practiced by the Scythian elite.

Keywords: Cult, bear, kurgan, Scythia, image, motif, worship.

Введение: история вопроса

Скифская культура и особенно скифское искусство («звериный стиль») всегда находились в центре внимания отечественной науки. Достаточно напомнить,

что еще в декабре 1972 г. в Москве состоялась Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии, посвященная исключительно одной, но очень важной теме – скифо-сибирскому звериному стилю. Ведущие отечественные специалисты в области ски-

фо-сарматского искусства обменялись тогда своими взглядами на эту большую и сложную проблему, часто не совпадающими друг с другом; а итогом был выход в свет очень важной публикации «Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии» [1976]. Не потеряла данная тема актуальности и позднее. Помимо многочисленных статей, периодически издавались и отдельные монографические труды, посвященные тем или иным аспектам скифо-сибирского искусства [Переводчикова, 1994; Королькова, 2006; Черемисин, 2008; и др.]. Тем не менее эта необычайно обширная и многоплановая проблема, очевидно, далека еще от полного ее понимания.

Один из образов скифо-сибирского искусства и послужил поводом для написания данной статьи. Речь идет о весьма редко упоминаемом в исследованиях по скифскому звериному стилю мотиве медведя на территории степной и лесостепной Скифии. Еще с 50–80-х гг. XX в. среди скифологов СССР сложилось глубокое убеждение в том, что этот мотив практически не имеет к собственно Скифии никакого отношения. Довольно редкие изображения медведя, встречавшиеся в некоторых скифских захоронениях (преимущественно в Днепро-Донской лесостепи), либо просто игнорировались, либо безоговорочно объяснялись влиянием ананьинской культуры Прикамья и прочих культур лесной полосы Урала и Сибири. На чем же основывались подобные взгляды? Здесь, по-видимому, сыграли свою роль три важных обстоятельства: во-первых, всеобщее убеждение (людей XX в.) в том, что медведи – эти сильные и опасные хищники – обитали и обитают по сей день главным образом в тайге, в глухих лесных массивах, каковых и в наши времена хватает на севере Урала и в Сибири; во-вторых, распространение широко известного из работ этнографов особого культа медведя («Медвежий праздник») у коренных народов именно северных лесных территорий нашей страны; в-третьих, почти полное (до недавнего времени) отсутствие какой-либо информации по «медвежьей» теме в археологии степной и лесостепной Скифии.

Начну со среды обитания медведей в прошлом (в древности и Средневековье) и настоящем. Вот несколько общих сведений из энциклопедии: «Некогда бурый медведь был обычен по всей Европе, включая Англию и Ирландию, на юге его ареал достигал северо-запада Африки (горы Атласа), а на востоке через Сибирь и Китай доходил до Японии. В Северную Америку он, вероятно, попал около 40 000 лет назад из Азии через Берингов пролив и широко расселился в западной части континента от Аляски и до севера Мексики. Сейчас бурый медведь истреблен на большей части прежнего ареала» [Иванов, Топоров, 1982, с. 128–129].

Но нас интересуют прежде всего степные и лесостепные области Северного Причерноморья. Мог ли бурый медведь водиться, например, в причерноморской степи? Известно, что в раннем железном веке даже в чисто степной зоне Северного Причерноморья по долинам крупных (Дон, Днепр, Южный Буг, Днестр) и даже малых рек лесные заросли (судя по современным палеогеографическим исследованиям) доходили вплоть до побережья Черного и Азовского морей. Достаточно вспомнить лесные чащи Гилеи в устье Днепра-Борисфена, о которых сообщает Геродот. Что же говорить об обширных широколиственных лесах Днепро-Донской лесостепи, где еще до недавнего времени росли дубы-великаны со стволами более 1 м в диаметре*. Естественно, здесь в изобилии водились всевозможные животные (кабаны, олени, лани и др.), в т.ч. и медведи. Например, их видели в ближайших окрестностях Воронежа еще в конце XVIII в. [Россия..., 1902, с. 76].

Биолог В.С. Байгушева, постоянно работающая вместе с археологами на нижнем Дону, отмечает, что кости медведя найдены даже на таких степных памятниках, как Саркел и Азак. «Наличие пойменных и байрачных лесов в низовьях Дона, – пишет она, – не исключает присутствие медведей, тем более, что всеядному зверю было что есть в этой области» [Байгушева, 2006, с. 348]. Это подтверждает и зоолог В.Г. Гептнер: «Медведи несомненно жили по урёмам южнорусских рек... и степным балкам и камышам этой области. В низовьях Дона эти звери встречались еще в VIII–XII вв. <...> Медведь экологически очень гибок и мог существовать не только при весьма незначительной растительности, как в Казахстане, но и по урёмным лесам, в кустарниках по речным долинам, даже и в степи» [Млекопитающие..., 1972, с. 256]. Судя по имеющимся данным, эти хищники были представлены когда-то не только в Восточной, но и в Центральной и Южной Европе. Например, развитый культ медведя существовал в древности на самой южной оконечности Европейского континента – в Греции, где был тесно связан с богиней Артемидой. В ее честь ежегодно устраивали пышные празднества, на которых приносили в жертву это животное. В храме Артемиды постоянно держали прирученного медведя. Жрицы богини в особо торжественных случаях облачались в одежды из медвежьих шкур. Само имя Артемиды происходит от древнегреческого слова «медведь» [Соколова, 2000, с. 129]. До сих пор существует культ медведя и у прямых потомков скифов – осетин, живущих в горах Кавказа [Чибирёв, 2008, с. 167].

*По данным биологии, желуды дубовых лесов составляют (и составляли ранее) значительную часть растительного рациона бурых медведей.

Таким образом, по крайней мере для прошлых эпох ассоциация «медведь–север–тайга» нуждается в серьезной корректировке. Этот грозный хищник жил прежде по всей Евразии, что нашло свое отражение в фольклоре и религиозных верованиях многих племен и народов древности [Иванов, Топоров, 1982]. Исходя из вышесказанного, трудно представить, чтобы люди, обитавшие в Восточной Европе (Северном Причерноморье) в I тыс. до н.э. и часто (вольно или невольно) сталкивавшиеся с самым крупным и опасным хищником Европы, как-то не отразили бы образ медведя в своих верованиях, обрядах и искусстве.

Заметно расширилась сегодня и фактическая база по интересующей нас проблеме: речь идет о новых археологических находках, связанных с культом медведя, в скифских курганах на среднем и нижнем Дону, а также в степных и лесостепных областях Приднепровья. Для того чтобы успешно разобраться с этой проблемой в пределах Скифии, необходимо определить основные разновидности мотива медведя в скифо-сибирском искусстве, установить хронологические рамки их существования и подсчитать количество соответствующих предметов для каждой области их распространения.

Мотив медведя в древностях Скифии

В скифских погребальных комплексах изображение медведя в полном его виде впервые представлено в Келермесском кург. 4 второй половины VII в. до н.э. (рис. 1). Речь идет о серебряном с позолотой зеркале греко-восточного (ионийского) производства, на котором среди изображений различных богов, людей и животных четко выделяется фигура идущего медведя. В центральной части композиции показана крылатая богиня Кибела с пантерами в руках, очень напоминающая по своим функциям скифскую Аргимпасу – богиню плодородия животного и человеческого мира. Как считают специалисты, в данном случае греческий мастер ориентировался на запросы скифского заказчика [Алексеев, 2012, с. 108]. Но это Северный Кавказ и архаический этап существования скифской культуры, и перед нами изделие иноземных, а не скифских ювелиров. Позднее главный центр Скифии сместился в Северное Причерноморье.

В степной Скифии мотив медведя встречен в кургане V в. до н.э. Чабанцова Могила у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. В центральной гробнице (почти полностью разграбленной) были обнаружены кости животных (остатки жертвенной пищи), фрагменты железного пластинчатого панциря, костяная рукоять ножа, бронзовый наконечник стрелы и золотая обивка деревянной чаши. На одной из ее

Рис. 1. Литое серебряное зеркало, облицованное электровыми пластинками. Келермесский кург. 4, вторая половина VII в. до н.э.

1 – оборотная сторона зеркала с изображениями; 2 – деталь зеркала с фигурой идущего медведя.

пластин штампом выбита фигура стоящего во весь рост, в профиль медведя с опущенной вниз головой (рис. 2, 1).

На кабаньем клыке из Киевского исторического музея (случайная находка из лесостепного Приднепровья, с. Малые Будки, Сумская обл., Украина) четырежды изображена медвежья голова анфас (рис. 3). Э.В. Яковенко, опубликовавшая этот предмет, считает, что здесь представлен медведь в «жертвенной позе» и, следуя традиции, объясняет появление данного изделия влиянием ананьинской культуры [1969, с. 201].

В боковой гробнице кургана Солоха (близ с. Великая Знаменка, Каменско-Днепровский р-н Запорожской обл.) с абсолютно целым захоронением скифского «царя» (390–380 гг. до н.э.) была найдена золотая оковка деревянного сосуда с ручкой в виде головы медведя (рис. 4). Публикуя этот предмет, А.Ю. Алек-

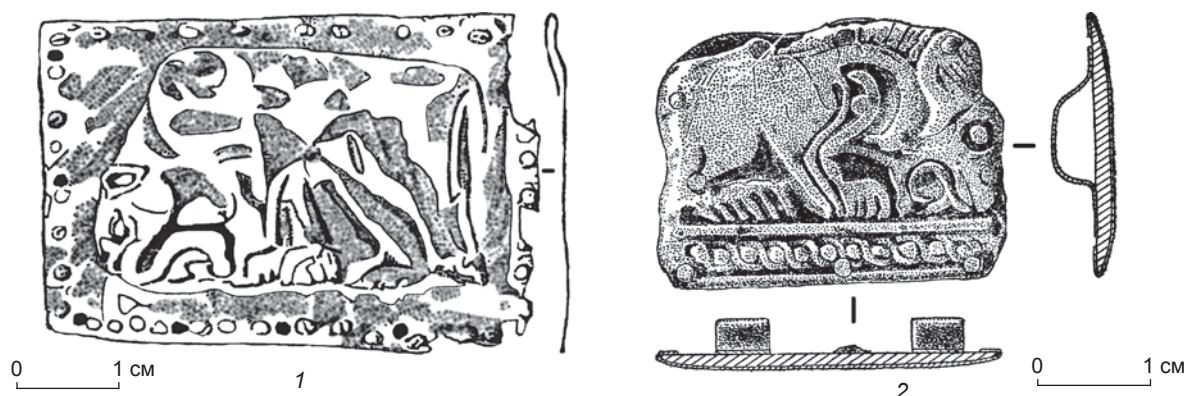

Рис. 2. Золотая обивка деревянного сосуда с фигурой медведя, курган Чабанцова Могила, V в. до н.э. (по: [Мозолевский, 1980, с. 83]) (1) и бронзовая бляшка с изображением хищника (медведя?), обтянутая серебряной фольгой, курган Желтокаменка, IV в. до н.э. (2).

Рис. 3. Кабаний клык с изображениями четырех голов медведей в «жертвенной позе» (анфас). Случайная находка, Украина, Сумская обл., V в. до н.э. (по: [Scythian Gold..., 1999]).

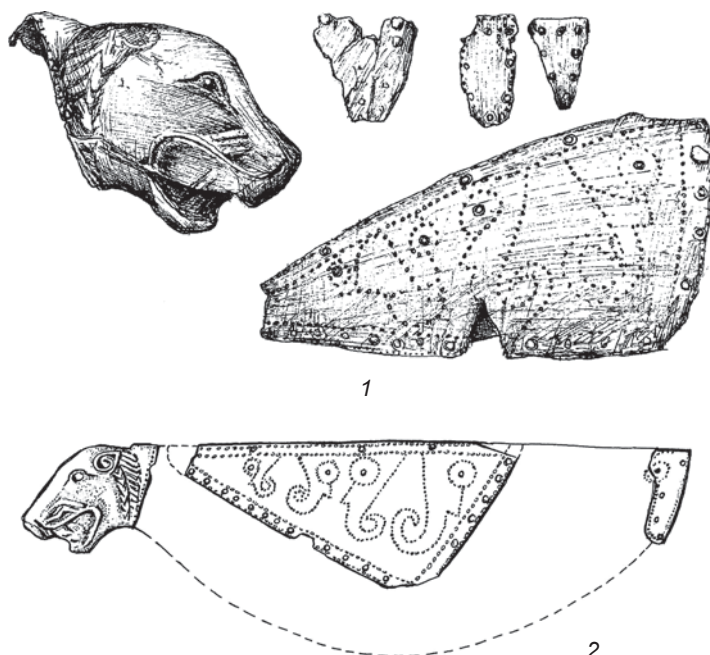

Рис. 4. Золотая оковка деревянного сосуда и его ручка в виде головы медведя. Курган Солоха, боковая гробница, начало IV в. до н.э. (по: [The Golden Deer..., 2000]).

1 – прорисовка предметов; 2 – реконструкция сосуда.

сеев отметил, что «ручки в форме головы или фигур животных – относительно редкие находки в курганах европейской Скифии V–IV вв. до н.э., но встречаются также и за ее пределами. Не исключено, что подобные сосуды имеют восточное для Скифии происхождение» [2012, с. 146–147]. Можно возразить известному ученому: золотые обкладки культовых деревянных сосудов с ручками в виде фигур животных и птиц хотя и не так часто, но встречаются в погребениях скифской знати (возможно, их редкость во многом объясняется тотальным разграблением скифских могил в древности) [Манцевич, 1966, с. 23–25]. Однако на золотой обкладке из Чабанцовой Могины изображен стоящий в профиль медведь. Полные аналоги этого изображения представлены на золотых оковках ручек деревянных сосудов из Александропольского «царского» кургана (Луговая Могила) в Днепропетровской обл. и кург. 1 группы Частые Курганы у г. Воронежа (рис. 5). Аналогичный солохскому сосуд в виде фигуры медведя обнаружен в Филипповском «царском» кург. 1

Рис. 5. Золотые оковки ручек деревянных сосудов с изображениями медведя.

1 – Александропольский курган, IV в. до н.э.; 2 – Частые Курганы, кург. 1, IV в. до н.э.; 3 – реконструкция сосуда из кург. 1 Частых Курганов (по: [Замятин, 1946, с. 15]).

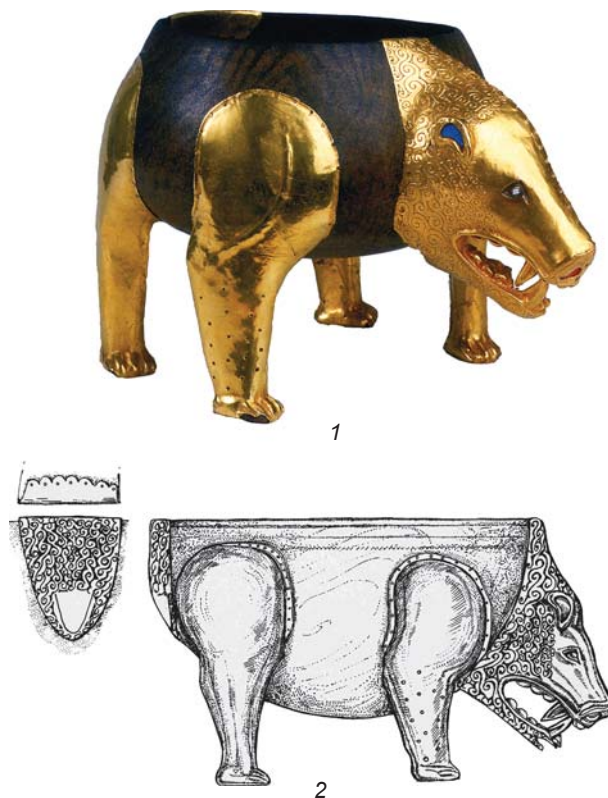
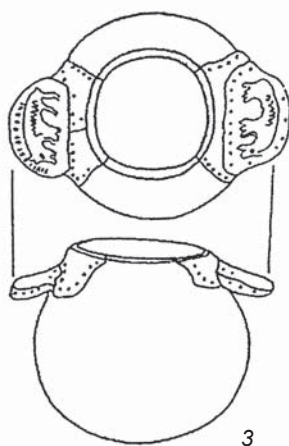

Рис. 6. Деревянный сосуд с золотыми оковками в виде фигуры медведя. Филипповский могильник, кург. 1, начало IV в. до н.э. (по: [The Golden Deer..., 2000]).

1 – реконструкция сосуда с использованием композитных материалов; 2 – графическая реконструкция.

в Оренбургской обл. (рис. 6), относящемуся к савромато-сарматской культуре ираноязычных кочевников Южного Приуралья. Четыре бронзовые с серебряной обтяжкой бляхи с фигурой медведя (?) были найдены в «царском» кургане Желтокаменка IV в. до н.э. в степной Скифии [Мозолевский, 1982, с. 221].

В целом в курганах степной Скифии V–IV вв. до н.э., несмотря на их тотальное разграбление, культовые деревянные сосуды с золотыми обкладками, на которых методом штамповки выбиты изображения зверей, птиц и фантастических животных (грифонов), отнюдь не являются редкой находкой. Другое дело – образ медведя. Он до сих пор встречается в местных археологических комплексах нечасто.

Предположение о существовании какой-то формы культа медведя не только в лесостепной, но и в степной Скифии совсем недавно получило дополнительное подтверждение после публикации материалов элитного кургана Близна-2 (возле г. Днепропетровска), относящегося к концу V в. до н.э. [Ромашко, Скорый, 2009, с. 68–69]. Курган был основательно разграблен в древности и в XIX в. В захоронении знатного скифа-степняка найдено пять когтей бурого медведя

(длина наибольшего из них 6,2 см, наименьшего – 3,6 см). Они были обнаружены в заполнении внутренней могильной ямы и находились рядом друг с другом. Авторы указывают, что подобные находки в могилах скифской эпохи весьма немногочисленны и обнаружены лишь в нескольких памятниках лесостепи: в гробнице № 2 кургана Репяховата Могила у с. Матусов в бассейне Тясмина (шесть медвежьих когтей с просверленными круглыми отверстиями, являвшиеся уздечными украшениями), кург. 2 Люботинского могильника в бассейне Северского Донца (медвежий коготь, оправленный в золотую фольгу и имеющий сквозное отверстие для подвешивания, т.е. амулет), относящихся к концу VII – началу VI в. до н.э., и центральной могиле Большого Рыжановского кургана начала III в. до н.э.* в междуречье Гнилого и Горького Тикича (четыре когтя, располагавшиеся с трех сторон скелета знатного скифского воина). «По-видимому, медвежьи когти в описанных случаях, как и зубы мед-

*По мнению ряда авторитетных исследователей, эту могилу следует датировать 315–300 гг. до н.э. (примеч. авторов).

ведя, волка, а также собачьи и кабаньи клыки, которые довольно обычны в курганах скифского времени, например, в Днепровском Лесостепном Правобережье Киевщины, в меньшей степени известны в степной зоне Северного Причерноморья, верно и вполне однозначно трактуемые как амулеты-обереги, обладающие магической силой, следует интерпретировать аналогично. Очевидно, когти могучего зверя, каковым является медведь, должны были служить апотропеями, надежной защитой покойного от злых сил. В нашем же случае, похоже, мы имеем иную, чрезвычайно интересную, а для скифских захоронений и необычную ситуацию. Поскольку все 5 когтей медведя лежали... компактно, рядом, а точнее, вместе (и это после ограбления захоронения!), мы вправе рассматривать их в качестве остатков *медвежьей лапы* (выделено мной. – В.Г.).

Эта находка позволяет вспомнить группу бронзовых украшений конской узды – блях в виде «медвежьей лапы», получивших распространение в V в. до н.э., имевших, как и ряд иных изделий, оформленных в зверином стиле и декорировавших узду, сакрально-магический характер. Заманчиво предположить, что в скифской среде в качестве амулетов-оберегов могли использоваться медвежьи лапы, послужившие прообразом для создания металлических амулетов-оберегов...» [Там же].

Действительно, в курганных захоронениях V–IV вв. до н.э. в лесостепной и степной (реже) Скифии встречаются бронзовые бляхи конской узды, оформленные в виде кисти человеческой руки, как считают одни исследователи, или, по мнению других, медвежьей лапы. Ошибиться в интерпретации здесь нетрудно: и на руке человека, и на лапе медведя пять пальцев. А довольно грубая отливка подобных предметов отнюдь не способствует проведению четкого различия. Правда, в очень редких случаях

(при большом увеличении) можно разглядеть даже ногти, т.е. речь здесь явно идет о человеческой кисти. Но чаще всего «рука» выглядит именно как медвежья лапа. Характерно, что в большинстве случаев она правая. Подобные находки насчитываются сейчас на территории лесостепной Скифии уже десятками [Могилов, 2008, с. 47, 232]. Интересно, что чаще всего окончания пальцев заострены и напоминают скорее когти медведя. О трактовке таких блях как изображения медвежьей лапы писали А.А. Бобринский [1905, с. 7] и С.В. Махортых [2006, с. 57–59].

Среди «медвежьих» мотивов в скифо-сибирском искусстве особенно выделяется медведь в «жертвенной позе»: голова в фас, лежащая на передних лапах. Именно такое размещение медвежьих головы и лап на деревянном помосте или на специальной площадке и пышные церемонии вокруг – один из кульминационных моментов Медвежьего праздника, который сохранялся у многих финно-угорских народов Урала и Сибири почти до конца XIX – начала XX в. [Алексеев, 1960].

Долгое время считалось, что мотив медведя в «жертвенной позе» чисто финно-угорский, поскольку в конце ананьинской и особенно в пьяноборскую эпоху подобные изображения, преимущественно в виде бронзовых блях, встречаются наиболее часто (см., например, Гляденовское костыще в Прикамье [Спицын, 1901]). Две такие бляшки из бронзы случайно найдены на территории Ананьинского могильника VI–IV вв. до н.э. [Васильев, 2004, с. 281, рис. 6].

Но поразительно, что мотив медведя в «жертвенной позе» представлен и в Скифии: на золотой бляшке из кург. 402 V в. до н.э. у с. Журовка Чигиринского уезда Киевской губ. в приднепровской правобережной лесостепи (рис. 7, 2); двух бронзовых бляшках конской узды из кург. 11 тоже V в. до н.э. у с. Олефирщина на Полтавщине, в междуречье Ворсклы и Псла

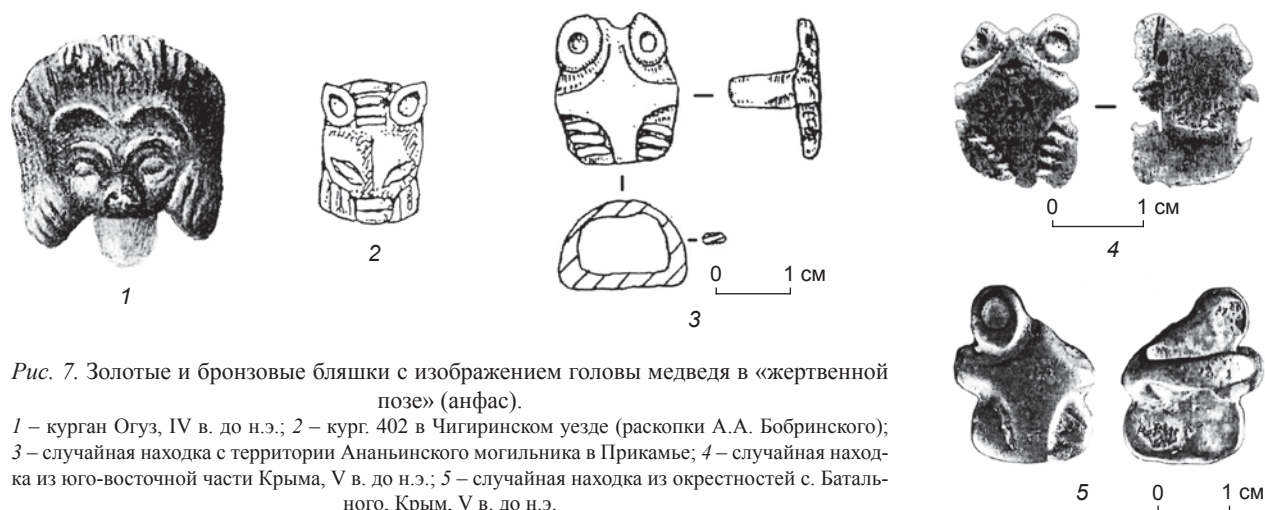

Рис. 7. Золотые и бронзовые бляшки с изображением головы медведя в «жертвенной позе» (анфас).
1 – курган Огуз, IV в. до н.э.; 2 – кург. 402 в Чигиринском уезде (раскопки А.А. Бобринского); 3 – случайная находка с территории Ананьинского могильника в Прикамье; 4 – случайная находка из юго-восточной части Крыма, V в. до н.э.; 5 – случайная находка из окрестностей с. Батального, Крым, V в. до н.э.

[Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23, рис. 9, 7, 8]; двух бронзовых бляшек, найденных при случайных обстоятельствах в Крыму (одна – у с. Батального на Керченском полуострове, другая – в юго-восточной части Крыма), обе, исходя из аналогий, датируются второй половиной V в. до н.э. (рис. 7, 4, 5). О том, что «медвежья тема» на Крымском полуострове далеко не случайна, свидетельствует и обилие найденных там бронзовых украшений конской узды в виде «медвежьих лап» [Скорый, Зимовец, 2014, с. 125–127], которыми так богаты скифские погребальные комплексы приднепровской лесостепи.

Любопытно и другое. В материалах скифского времени из курганов на среднем Дону нет ни одной бляшки с изображением медведя в «жертвенной позе» и практически отсутствуют бронзовые «медвежьи лапы». А ведь именно у этой области Скифии существовали наиболее тесные связи (торговые и культурные) с Прикамьем и Приуральем. Однако в приднепровской лесостепи и Крыму такие находки есть, и они отнюдь не единичны.

Возникает вопрос о путях проникновения в Скифию культурных влияний из финно-угорского мира, тем более, если обратить внимание и на хронологию. Бронзовые бляшки с изображением головы медведя в «жертвенной позе» в Прикамье впервые представлены случайной находкой (Ананьинский могильник), датированной в широких пределах VI–IV вв. до н.э. (рис. 7, 3). Их расцвет приходится на конец IV – II в. до н.э. и более позднее время. Скифские же находки подобного рода твердо датируются V в. до н.э.

Какие же выводы можно сделать на основе изложенных выше фактов? Во-первых, изображение медведя на предметах торовитики и медвежьи когти-амулеты для конской сбруи появляются у скифов еще на заре их истории в эпоху архаики. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся находки: серебряное с золотым покрытием зеркало из Келермесского кург. 4 – вторая половина VII в. до н.э.; шесть когтей медведя с отверстиями для подвешивания к конской узде из гробницы 2 кургана Репяховата Могилы – конец VII в. до н.э. Известно, что скифы пришли в Северное Причерноморье «из глубин Азии», где находилась их прародина. Споры о ее локализации не утихают до сих пор. Но такие выдающиеся исследователи, как М.И. Ростовцев, А.И. Тереножкин, А.Ю. Алексеев, с большой долей уверенности помещали прародину скифов в Центральную Азию, т.е. на территорию Тувы, Северного Казахстана, Алтая [Rostovtzeff, 1929, p. 26; Тереножкин, 1971, с. 19–22; Алексеев, 2003, с. 38–42]. А для этой территории характерны обширные лесные массивы и внушительные, поросшие лесом горы – место обитания множества животных (в т.ч. и бурых медведей). Поэтому еще тогда, в ранние времена, до переселения на запад,

в Северное Причерноморье и на Кавказ, у предков скифов мог появиться и образ медведя в искусстве, и какие-то формы его почитания.

Примечательно, что следы почитания медведя на территории Скифии встречаются в погребальных комплексах именно высшей скифской знати и даже в «царских» курганах конца V – IV в. до н.э.: Солоха (боковая гробница) – начало IV в. до н.э.; Александропольском (Луговая Могила) – третья четверть IV в. до н.э.; Желтокаменка – 340–320 гг. до н.э. (см. рис. 2, 2); Огуз (грандиозный курган с каменной гробницей) – третья четверть IV в. до н.э. (см. рис. 7, 1); Большом Рыжановском – последние два десятилетия IV в. до н.э. К этой группе по всем признакам примыкает погребение знатного молодого человека в кургане Близнаец-2 на окраине Днепропетровска. Здесь следует сделать несколько дополнительных пояснений.

Украинские археологи В.А. Ромашко и С.А. Скорый исследовали курган Близнаец-2 в мае–июне 2007 г. К моменту начала археологических работ курган имел высоту 7,05 м над поверхностью. Вершина насыпи была срезана в XIX в. огромной грабительской траншеей не меньше чем на 1 м. Поэтому первоначальная высота кургана составляла, вероятно, более 8 м. Его диаметр, фиксируемый камнями крепицы, 42–43 м [Ромашко, Скорый, 2009, с. 93]. Таким образом, Близнаец-2 принадлежит к числу крупнейших скифских элитных курганов V в. до н.э. в северопричерноморской степи и является самым большим в северной части Днепровского Надпорожья. «Учитывая эти параметры, – отмечают В.А. Ромашко и С.А. Скорый, – курган Близнаец-2 должен быть отнесен к III группе курганов скифской знати, по Б.Н. Мозолевскому [1979, с. 152, табл. 4], имеющих высоту 8–11 м, которые в социальном плане могли являться местом погребения членов царской семьи или царей, возглавлявших составные части Скифии...» [Там же].

О высоком социальном статусе лица, погребенного в кургане Близнаец-2, свидетельствуют и масштабы самой могилы (катакомбы), характеризующие трудозатраты на ее сооружение: глубина 7,5 м, площадь погребальной камеры 34 м², входной ямы – ок. 7,3 м². Общая площадь погребального сооружения 41,6 м² [Там же, с. 94]. Гробницу главного персонажа сопровождают три захоронения коней (но в очень бедном уборе – железные удила и псалии). Покойник лежал в античном деревянном саркофаге, украшенном резными пластинами из слоновой кости с очень тонкой гравировкой. На них изображены различные сюжеты из жизни и мифов эллинов: дионисийская символика, гепарды, колесницы, танцующие менады, Эрот, Гермес и т.д. «Вышеизложенное позволяет нам, – пишут В.А. Ромашко и С.А. Скорый, – рассматривать курган в качестве места погребения особы царского ран-

Рис. 8. Сцены «царской» конной охоты на медведя (по: [Фракийское золото..., 2013]).

1 – серебряная с позолотой тарелка, Болгария, IV в. до н.э.;
2 – серебряная с позолотой бляха, Болгария, IV в. до н.э.

га (выделено мной. – В.Г.), осуществленного в конце V столетия до н.э. Думаем, что это мнение в определенной степени подтверждается и резным изображением на золотом перстне стреляющего лучника в варварской одежде, в котором следует усматривать сцену «царской» стрельбы, отраженной в мифологии многих народов древности и имеющей ритуально-магическое значение...» [Там же, с. 98]. Более того, авторы считают, что в кургане Близнаец-2 был похоронен младший сын скифского царя Ариапифа Орик, который сам (в отличие от своих братьев Скила и Октамасада) никогда царем всей Скифии не был, а правил, по-видимому, лишь одной из ее частей [Там же, с. 109–112].

Заключение

Мне представляется, что факт нахождения каких-то вполне осязаемых следов почитания медведя имен-

но в самых элитных, а в ряде случаев даже «царских» курганах Скифии вряд ли является случайным. У скифской знати чаще всего этот образ встречается на двух категориях вещей: на ритуальных деревянных чашах с золотой обкладкой и в качестве украшения-оберега на конской сбруе. В этой связи следует упомянуть о том, что в соседней Фракии, с которой высшие круги скифской знати имели тесные семейные (династические браки) и культурные связи, для достижения верховной власти необходимо было пройти через серьезное испытание: верхом на коне и с копьем в руке одолеть опасного зверя – медведя, волка, кабана. Сцены конной охоты фракийского героя на медведя запечатлены на предметах торевтики IV в. до н.э. (рис. 8). В скифской иконографии сходный сюжет особенно ярко представлен на серебряных с позолотой двуручных чашах из «царского» кургана Солоха, на которых изображены конные скифы, охотящиеся на львов и каких-то фантастических чудовищ.

Список литературы

- Алексеев А.Ю.** Хронография Европейской Скифии. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.
- Алексеев А.Ю.** Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 272 с.
- Алексеев Е.А.** Культ медведя у кетов // СЭ. – 1960. – № 4. – С. 90–104.
- Байгушева В.С.** Орнитофауна и териофауна Приазовья по материалам археологических раскопок // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. – Азов: Азов. музей-заповедник, 2006. – Вып. 22. – С. 341–356.
- Бобринский А.А.** Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // Изв. Имп. археол. комиссии. – 1905. – Вып. 14. – С. 1–43.
- Васильев Ст.А.** Анабнинский звериный стиль: Истоки, основные компоненты и развитие // Археол. вести. – 2004. – № 11. – С. 275–297.
- Замятин С.Н.** Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. – 1946. – № VIII. – С. 9–50.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Медведь // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1982. – Т. II. – С. 128–130.
- Королькова Е.Ф.** Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2006. – 271 с.
- Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б.** Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. – М.: Всерос. фонд развития науки; Полтава: Полтав. краевед. музей, 1993. – 107 с.
- Манцевич А.П.** Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966. – С. 23–38.
- Махортых С.В.** Скифська вузда Перещепинського могильника // Більське городище та його округ. – Київ: Шлях, 2006. – С. 57–76.

Млекопитающие Советского Союза / В.Г. Гептнер, А.А. Слудский. – М.: Высш. шк., 1972. – Т. II, ч. 2. – 552 с.

Могилов А.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. – Київ; Кам'янець-Подільський: Ін-т археології АН України, 2008. – 439 с.

Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – Киев: Наук. думка, 1980. – С. 70–154.

Мозолевский Б.Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии. – Киев: Наук. думка, 1982. – С. 179–221.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. – Київ: Наук. думка, 1979. – 251 с.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Вост. лит., 1994. – 206 с.

Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. – Днепрпетровск: Пороги, 2009. – 251 с.

Россия: Полное географическое описание нашего отечества / под ред. П.П. и А.П. Семеновых. – СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1902. – Т. 2. – 717 с.

Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – 274 с.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма: Материалы одной коллекции. – Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. – 180 с.

Соколова З.П. Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 121–130.

Спицын А.А. Гляденовское костеище // Зап. Рус. археол. об-ва. – 1901. – Т. XII, вып. 1/2. – С. 228–269.

Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 15–23. – (МИА; № 177).

Фракийское золото из Болгарии: Ожившие легенды. – М.: Кучково поле, 2013. – 360 с.

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 136 с.

Чибирёв Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – М.: РОССПЭН, 2008. – 711 с.

Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // СА. – 1969. – № 4. – С. 200–208.

Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1929. – 112 p. – (Princeton Monographs in Art and Archaeology; vol. XIV).

Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine. – N.Y.: Harry N. Abrams Inc. Publishers, 1999. – 352 p.

The Golden Deer of Eurasia. – N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2000. – 303 p.

*Матеріал поступив в редколлегию 21.03.19 г.,
в окончательном варианте – 05.04.19 г.*